

«УТВЕРЖДАЮ»

Ректор Федерального государственного
образовательного учреждения высшего
образования «Бурятский государственный
университет» д.тех.н., проф. Н.И. Мошкин

23 мая 2017 г.

Отзыв

ведущей организации на диссертацию Трипузова Михаила Геннадьевича на тему: «Эстетический потенциал культурного пространства губернского города (на материалах Иркутска XIX в.), представленную к защите на соискание ученой степени кандидата культурологии по специальности 24.00.01 – теория и история культуры (культурология)

Появление и развитие городов является одним важнейших признаков развития человеческой цивилизации. Город изучали и изучают специалисты самых разных направлений, в том числе и культурологи. Городоведение стало своеобразной комплексной наукой. В мире накоплен громадный опыт по изучению городов от библейских до современных, от их социально-экономического до культурного развития.

Культура и город – два взаимосвязанных понятия, если культура представляется органическим пространством, в котором осуществляется процесс жизнедеятельности общества, то город выступает сферой осуществления культуры. Городское сообщество, являясь самостоятельным субъектом, само творит свою среду обитания, носящую культурный характер. Городской ландшафт как результат самореализации горожан становится полем взаимодействия человека и культуры, культурным пространством города.

Культурное пространство города многоуровнево и исторически детерминировано, оно динамично и постоянно наполняется новыми

культурными практиками, формами, стилями, которые накапливаясь с течением времени, наполняют культурное пространство эстетическим смыслом, создают основу для эстетической деятельности. В то же время применительно к XIX в. большая часть населения городов отдаленной окраины, да и коренных губерний Российской империи предстает как пассивная группа, объект приложения культурной деятельности высших страт и отстранена от процессов городской культуры. Культурное поле городов конкретной губернии неравномерно, его насыщенность и густота во многом определяется статусом в сети городов административно-территориальной единицы Империи. Административный ресурс Иркутска оказывал и оказывает энергичное воздействие на все стороны жизни города и, прежде всего, на рекрутирование новых горожан, часто высокого интеллектуально-духовного потенциала, с ярко выраженной активной жизненной позицией, стремлением к «культурничеству» (И.И. Попов), каковыми и являлись политические ссыльные нескольких поколений, купечество, а также высшее руководство губернии. Усилиями культуротворящего ядра города создано его расширяющееся культурное поле, а губернский город заслуженно стал образцом для подражания близлежащих территорий как предшествующего, так и нынешнего времени. Поэтому поиск ответа на вопрос, в чем культурная притягательность Иркутска, актуален, как и выявление процесса формирования эстетического потенциала его культурного пространства.

Объектом исследования выступает культурное пространство губернского города. Предмет исследования – эстетический потенциал культурного пространства Иркутска XIX в. Определив объект и предмет исследования, автор формулирует цель диссертационной работы – культурологический анализ эстетического потенциала культурного пространства губернского города на материалах Иркутска XIX в. В соответствии с поставленной целью определяются и задачи.

Хронологические рамки диссертации охватывают широкий и чрезвычайно важный период в истории Иркутска, особенно продуктивный для формирования культурного поля и, следовательно, достаточный для определения его эстетического потенциала.

Теоретико-эмпирическая основа диссертации включает в себя неопубликованные и опубликованные источники. Первые представлены материалами регионального (ГАИО) архива, из 6 фондов которого извлечены необходимые факты, вторые – ценнейшими городскими летописями и периодическими изданиями, охватывающими и, в буквальном смысле, протоколирующими все стороны городской жизни Восточной Сибири, материалами личного происхождения – сведениями, обнаруженными в эпистолярном наследии бытописателей, краеведов, путешественников, так или иначе соприкасавшихся с Иркутском, а также монографии, статьи, диссертационные исследования отечественных и зарубежных философов, культурологов, искусствоведов и историков Восточной Сибири (175 наименований, С. 174-192), подтвержденные статистическими материалами и данными Всероссийской переписи населения 1897 г., подводящей в определенном смысле, итог вековому развитию города.

Междисциплинарность диссертации подтверждается описанной методологической основой, построенной на исследованиях культурологов, философов, искусствоведов и историков, а также комплексным методическим инструментарием.

Отмечая новизну диссертации на фоне близких по тематике работ, отметим, что в рамках России, Сибири, Восточной Сибири в докторских и кандидатских диссертациях нашли отражение темы культурного пространства и его архитектоники, культурного наследия, художественной жизни, культура горожан.

М.Г. Трипузов на основе культурологического исследования выявил структуру и содержание феномена «эстетический потенциал», его критерии,

сформулировал авторское понимание понятий «потенциал», «городская культура», «эстетический потенциал»;

- охарактеризовал культурный потенциал пространства Иркутска XIX в. в контексте организации эстетической деятельности, послужившей основой для накопления значительного потенциала, который стал одним из ресурсов развития культуры в последующие годы;

- выявил прогрессивную созидательную роль ссыльной интеллигенции и городского купечества в формировании культурного пространства Иркутска XIX в. в контексте развития его эстетического потенциала;

- осуществил ценностное осмысление реализации эстетического потенциала культурного пространства Иркутска XIX в. в культурологической парадигме, охарактеризовав роль и значение эстетического потенциала прошлого в формировании историко-культурного облика города и организации элементов современного культурного пространства.

Кандидатская диссертация стала результатом целенаправленной исследовательской работы по выявлению, сбору, систематизации и обобщению различных источников, научной информации. Несомненно, представленная диссертация как научно-квалификационная работа имеет научную и практическую значимость. Личный вклад соискателя в разработку научной проблемы не вызывает сомнений. Об этом свидетельствует список публикаций и выступлений на различных конференциях (14 работ, из них 4 публикации в изданиях, включенных в перечень ВАК), общим объемом 7,9 п.л.

Нам представляется, что нет необходимости анализировать диссертацию по главам, пересказывая их содержание и отмечая положительные стороны.

Диссертационная работа хорошо структурирована, написана четким, ясным научным языком и поэтому легко читается.

Мы согласны с автором в том, что диссертационное исследование создает основу для образовательных и музейных программ по воспитанию эстетического сознания и освоению широкого спектра культурных

ценностей. Представленные материалы могут быть востребованы при составлении и корректировке различных проектов и документации по формированию культурной среды, развитию художественного образования, при разработке комплекса мер по сохранению культурного наследия. Вполне логичным будет применение выводов данной диссертации в качестве инструментария организации культурной политики по формированию и развитию эстетического потенциала, актуализации потенциала эстетических ценностей прошлого и настоящего, а также прогнозированию их реализации в будущем.

Вместе с тем, хотелось бы обратить внимание автора на некорректность некоторых высказываний.

В частности, на странице 81 диссертант пишет: «Из весьма отсталой в культурном отношении страны, Россия превратилась в свой антипод и, в буквальном смысле, стала «локомотивом» культурного развития...». Хотелось бы напомнить автору, что, несмотря на «ученичество», в котором оказалась русская культура в 18-ом столетии, на этот период приходится творчество В.К. Боровиковского и Д.Г. Левицкого, В.И. Баженова и М.Ф. Казакова, М.И. Козловского и И.П. Мартоса, Г.Д. Державина и Д.И. Фонвизина, Д.С. Бортнянского и М.В. Ломоносова, это время создания Московского университета и Академии наук, периодической печати, активного книгопечатания и других культурных достижений, не говоря уже о древнерусской культуре 17-го столетия. Когда речь заходит о сравнении культур, всегда возникает проблема критериев. Конечно, с точки зрения новоевропейской культуры, русская культура 18-го и тем более 17-го столетий выглядит менее рационалистичной и даже архаичной, но она создала уникальные неподражаемые и непревзойденные образцы. Если же под «культурностью» понимается уровень грамотности/образования населения, то и в начале XX в. Россия может оцениваться как отсталая в культурном отношении страна.

На странице 84 среди крупных городов Восточной Сибири начала XIX в., наряду с Верхнеудинском перечисляются Кяхта и Чита. При этом возникновение Читы относится к 1851 г. и связано с очередной административно-территориальной реформой, формированием Забайкальской области Иркутского генерал-губернаторства, а Кяхта являлась лишь торговой слободой города Троицкосавска вплоть до 1934 г., когда произошло их объединение, и она дала свое имя советскому городу.

На странице 154, говоря об эстетическом потенциале культурного пространства города, порожденного деятельностью Иркутской епархии, среди социально значимых религиозных праздников (Пасха и Крещение) названа и языческая Масленица.

А также высказать некоторые полемические замечания.

Определяя в первом параграфе (С.18-50) первой главы культурное пространство как «сложнейший территориально-исторически и демографически обусловленный, естественно-научный, философский, социально-психологически, культурологический, этнологический конгломерат вещей, предметов, идей, ценностей, настроений, традиций, этнических норм, эстетических, политических и социальных взглядов в определенной культурной ситуации, проявляющейся в границах конкретного ареала и времени» (С. 40), автор тем самым соглашается и с критериями описания этого феномена.

Однако во второй главе, в параграфе, специально посвященном этому описанию, содержащиеся в определении критерии не выдерживаются в полной мере.

Более целесообразным, на наш взгляд, выглядит территориально-историческая характеристика собственно селитебной территории Иркутска, т.е. описание изменений, происходивших с «телом» города на протяжении XIX в., поскольку именно она очерчивает границы культурного пространства, тем более что этот рост поступателен и визуально фиксируется, достаточно привлечь генеральные планы города.

Характеристика демографического потенциала представляется довольно размытой и хаотичной, а компактное описание этой важнейшей составляющей городского развития и в плане формирования территории города, и в плане формирования его культурного поля дало бы более четкое представление о статистическом портрете населения и его особенностях. В общем потоке описания населения не вполне понятно, почему автор под термином «городские низы» понимает, как следует из контекста изложения (С. 93), преступные элементы. В традициях исторической науки данный термин подразумевает непривилегированные слои населения города, городскую бедноту или массы, что не придает этой категории граждан негативный и тем более криминальный оттенок.

В рамках выявления культурного пространства организации эстетической деятельности, диссертант, уделяя определенное внимание национальной составляющей культурного поля и дихотомии Восток – Запад, на наш взгляд, несколько преувеличивает их влияние на общественную и повседневную жизнь иркутян. Говорить о «существенном вкладе в формирование эстетического потенциала культурного пространства Иркутска» Востока (С.89), как нам представляется, необоснованно, поскольку использование китайских бытовых предметов – явление вынужденное и обусловлено территориальной отдаленностью от центров российского производства предметов быта и дороговизной их доставки, а стремление сделать место проживания более комфортабельным обращает взгляды иркутян к более близкому и дешевому рынку. Пожалуй, в чем Китай действительно оказал влияние не только на иркутское, но и в целом российское культурное поле, так это культура чаепития, формирование которой требовало внедрения довольно широкого комплекса бытовых предметов.

Нельзя не согласиться с автором в том, что носителями европейской культуры были высшее чиновничество, чаще всего командированное из Центральной России, а также образованное иркутское купечество. Однако,

этот тезис (С. 89) не получил должного освещения, хотя косвенно, автор обращается к нему в рамках характеристики иркутского чиновничества как носителя столичной культуры (С. 98).

Действительно, к концу XIX в. Иркутск превращается в многонациональный город, и представители иных национальностей участвуют в формировании его экономического потенциала, однако и здесь говорить о национальном влиянии не вполне уместно. Прежде всего из-за малочисленности национальных групп. В то же время маркировка национального пространства Иркутска осуществлялась, прежде всего, на визуальном уровне, поэтому для доказательства данного тезиса было бы целесообразно обратиться к архитектурному облику города, причем не только к его каменным сооружениям, но и деревянным строениям. Мы подразумеваем, например, здание костела, построенного иркутскими католиками, а буряты, будучи искусными столярами и плотниками в деревянный декор жилого сектора мастерски вписывали элементы национального деревянного зодчества, которые просматриваются в деревянных постройках по обе стороны Байкала.

Говоря о формировании профессиональной культуры (школы, театры, библиотеки, музеи, искусство), общественных инициативах, выраженных в культурных практиках разного рода обществ, от научных до благотворительных (С.100-114), диссертант упускает из виду их влияние на повседневного деятеля, проявлявшееся в домашнем музицировании и чтении, расширении круга реципиентов.

Характеризуя обширную культуросозидательную деятельность иркутской интеллигенции, высшей аристократии, выявляя неоспоримую роль политических ссыльных, от декабристов до народников, а также иркутского купечества, диссертант лишь упоминает о культурной само-деятельности мещан и крестьян, а формирование культурного поля и его эстетического потенциала рассматривает исключительно с положительной точки зрения.

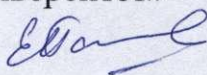
Все вышеизложенные замечания, на наш взгляд, легко устранимы и могут быть восполнены в процессе дальнейшей работы. Автореферат соответствует тексту диссертации.

Считаем, что диссертация Трипузова Михаила Геннадьевича на тему: «Эстетический потенциал культурного пространства губернского города (на материалах Иркутска XIX в.)» является самостоятельным, завершенным научным исследованием, отличающимся новизной и практической значимостью, соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, в п.9-14 Положения о порядке присуждения учёных степеней № 842 от 24.09.2013г., а ее автор — Трипузов Михаил Геннадьевич заслуживает присуждения степени кандидата культурологии по специальности 24.00.01 – теория и история культуры (культурология).

Отзыв подготовлен доктором исторических наук, доцентом Татьяной Вадимовной Паликовой, обсужден и одобрен на заседании кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет» «18» мая 2017 г., протокол № 10.

Заведующая кафедрой всеобщей
и отечественной истории
Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Бурятский
государственный университет»

д. ист. н., доцент

Елизавета Николаевна Палхаева

19 мая 2017 г.

Адрес: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, д.6, к. 2312, эл. почта:
voistbsu@mail.ru, тел. : (3021) 216447

Подпись Е.Н. Палхаевой заверяю

Общий отдел	
Правильность подписи	Палхаевой Е.Н.
_____	заверяю
_____	Серасименко М.В.
« 23 »	05 20 17г.